

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ТРУДЫ КОМИССИИ ПО ИЗУЧЕНИЮ ПЛЕМЕННОГО
СОСТАВА НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ
СТРАН

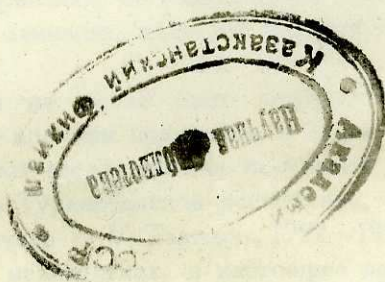
06

Т-78

9

И. И. Зарубин

СПИСОК НАРОДНОСТЕЙ
ТУРКЕСТАНСКОГО КРАЯ

П. 109

ЛЕНИНГРАД

1925

Подобно ранее появившимся работам Н. Я. Марра¹ и С. Н. Патканова², Список народностей Туркестанского края предназначается в качестве пособия при составлении племенной карты Средней Азии. В соответствии с этим Список представляет собою опыт сводки статистико-этнографических сведений о коренном населении Туркестанского края, с использованием частью еще неопубликованных материалов; особенно указывается на те стороны имеющихся сведений, которые наиболее нуждаются в дополнениях или проверке.

Список был составлен и приготовлен к печати еще в 1922 году, причем главным источником для определения численности отдельных групп населения явились материалы³ Туркестанской сельско-хозяйственной переписи 1917 г.; ее цифры и особенно национальные характеристики, по возможности, сопоставлялись и проверялись иными данными, хотя бы относящимися к другому времени.

Печатание Списка не могло быть осуществлено ранее 1925 года. К этому времени появились и стали доступными для автора „Материалы всероссийских переписей (1920 года), Перепись населения в Туркестанской республике, часть I, Поселенные итоги“, выпуски I—V, Ташкент, 1922—1924,—работа, которая, при всех ее недостатках, в настоящее время должна считаться основным материалом для национальной статистики Туркестана. С другой стороны, национальное размежевание Средней Азии, усилив потребность в статистико-этнографических обзорах, усложнило ее удовлетворение, изменив старые административные деления и прибавив новые территории, еще не подвергавшиеся статистическим обследованиям. По свойству использованных материалов (статистических и иных), приуроченных к старым административным делениям, новая

административная терминология не могла быть принята в очерке: приурочение статистических сведений к новым границам—дело будущего.

Но опубликованные цифровые данные переписи 1920 года привлечены всюду, где это оказалось возможным, на ряду со сведениями с.-х. переписи 1917 года.

В соответствии с характером Списка, из литературы указываются только позднейшие или наиболее общие труды, а также те, которые заключают в себе указания на дальнейшую литературу.

Коренное население Туркестанского края в своем большинстве образуется иранскою и турецкою группами, определяемыми лингвистически.

I. Иранцы.

Среди иранцев резко выделяются малочисленные горные племена, говорящие на различных восточно-иранских диалектах. Эти диалекты, хотя и близко родственны исторически, но практически настолько далеки друг от друга и от персидского языка, что говорящие на одном из них не могут понимать говорящих на другом, и обычно прибегают к помощи персидского языка. Почти все эти племена двуязычны: вторым обиходным языком служит персидский. К ним принадлежат *ягнобцы*, остаток древних согдийцев, живущие в долине р. Ягноб (притока Зеравшана); их менее 2.000 чел. (с.-х. пер. 1917 г.). Ни по религии, ни по быту они не отличаются от соседних с ними таджиков-зеравшанцев, все понимают и говорят по таджикки, и их окончательное поглощение — вопрос времени.

Припамирские иранцы ⁴, говорящие на самостоятельных языках, разделяются на несколько племен, объединенных общностью быта. Из них *язгулямы* (около 200 домов в долине р. Язгуляма, притока Пянджа), политически и культурно тяготеют к соседним дарвазским таджикам. По религии язгулямы сунниты, но часть втайне придерживается исмаилитизма. Все двуязычны. Их соседи, жители долины р. Ванча, ныне совершенно растворившиеся в таджикской массе, еще помнят о существовании у них самостоятельного языка несколько поколений

назад (от него даже сохранилось несколько десятков слов). Очевидно, та же судьба ждет и язгулямцев.

Остальные припамирцы русско-бухарских владений: *шугнанцы* (с рушанцами, бартангцами и орошорцами) *ваханцы* и *ишкашимцы*, в количестве 18,017 чел. (с.-х. пер. 1917 г.) объединены не только бытовыми условиями, но и религией: все они исмаилиты. За исключением части шугнанцев, они двуязычны, но чувство национальности довольно сильно, особенно у шугнанцев и ваханцев. С соседями не смешиваются. Культурное тяготение больше в сторону Бадахшана и Гиндукуша; с этими странами припамирцев объединяет общность многих элементов материальной и духовной культур, а также часто и племенное родство.

Все перечисленные племена объединяются общим именем *гальча*⁵, очень удобным, но совершенно условным термином: припамирским горцам он неизвестен. Вместо гальча иногда употребительно наименование горные таджики — термин почти столь же произвольный, потому что горцы обычно его не употребляют (хотя и не отвергают), но не такой удобный, так как этим именем называют также таджиков, живущих в Зеравшанских горах, Каратегине и Дарвазе. Именно эти последние составляют промежуточное звено между группой гальча и прочими таджиками, составляющими массу иранского населения Туркестанского края. С первыми *горных таджиков*⁶ объединяет общность бытового уклада и материальной культуры, а с остальными таджиками — религиозное и лингвистическое единство: все сунниты, все говорят на различных говорах таджикского наречия персидского языка, лишь незначительно отличающихся один от другого.

Близость таджикских говоров и невыясненность их границ, равно как недостаток сведений для определения распространения основных явлений материальной культуры, характерных для горных таджиков (например, особый тип жилища, не свойственный равнинным таджикам) — препятствует установлению определенной границы.

В двух названных восточно-бухарских бекствах их считалось в 1906 г. 17.648 домов. Самосознание их — таджикское.

Основная масса оседлого иранского населения Средней Азии известна под именем *таджиков*. С точки зрения культурной они ничем не отличаются от турецкой оседлой части населе-

ния края, лишенной родовых переживаний, известной в литературе под именем сартов, и ныне составляющей основное ядро узбекской народности.

С другой стороны, с горными таджиками их объединяет единство языка, несмотря на различие между говорами горных и равнинных таджиков. Термин таджик употребляется ныне только в указанном смысле, но раньше (особенно среди турок) он обозначал человека мусульманской культуры, оседлого, независимо от языка. Такое понимание этого термина сохранилось поныне у закавказских армян, которые называют таджиками живущих среди них оседлых турок-османцев. Иногда и в Туркестане встречаются еще случаи употребления слова таджик в его былом значении. Так, по сообщению П. С. Скварского, жители с. Ям Джизакского уезда считаются у соседей таджиками, хотя по таджикски не говорят и не отличаются от окружающих их узбеков ни по быту, ни по языку. Но такие явления единичны. Обычно термином таджик преимущественно подчеркивается языковая принадлежность субъекта. Поэтому жители с. Ургут говорят: „мы таджики, но наши дети уже будут узбеками“, желая указать на возрастающее отуречение ургутского населения. Большинство населения таджики составляют лишь в 4-х городах коренных областей Туркестанского края, где их считалось:

	В 1915 году	В 1920 году
в Самарканде	59.901	44.758
„ Пенджекенте . . .	5.435	3.086
„ Ходженте	40.149	34.846
„ Уратюбе	21.770	15.197

Во всех этих пунктах таджики составляют большинство населения от 54,4% в Самарканде до 98,2% в Пенджекенте (1920 г.). Значительными массами вне городов они зарегистрированы в следующих уездах (ни в одном не составляя большинства населения):

	В 1917 году	В 1920 году
в Ташкентском	13.361	10.797
„ Самаркандском	72.639	72.517
„ Джизакском	7.895	585 (?) ⁷

	В 1917 году	В 1920 году
в Ходжентском	58.821	62.980
„ Маргеланском	36.971 (36.951) ⁸	
„ Наманганском	39.500 (39.773)	
„ Кокандском	65.030 (67.597)	
„ Андижанском	2.366 (2.928)	

в прочих местах Туркестанского края их количество незначительно, причем в Семиречье, Закаспии, Перовском и Казалинском уу. их не зарегистрировано вовсе.

Трудно привести цифры, относящиеся к Бухаре.

По подсчету, произведенному бухарским правительством в 1917 г., (по материалам, доставленным А. Н. Самойловичем) общее количество народонаселения выражалось цифрой 2.270.161 человек, но подсчета по национальностям не было произведено. Во всяком случае в Бальджуанском и Кулябском бекствах таджики составляют большинство населения (равно как и в гор. Бухаре), а в Гиссарском, Шахрисябском и Китабском не меньше трети. По сведениям, помещенным в „Материалах всеросс. переписей. Перепись населения в Туркест. респ.“ в. IV, стр. 53 (без указания источника) в Бухарской республике таджиков около 800 тыс., причем свыше 400 тыс. сосредоточено в Гиссарском вилаете, около 160 тыс. в Бухарском и 130 тыс.—в Гармском (ср. выше о таджиках в Каратегине и Дарвазе).

В окрестностях Самарканда и Джизака есть несколько селений, в которых живет около 5^{1/2} тыс. потомков жителей Мерва, переселенных сюда сто с лишним лет назад. Столько же живет их в Самарканде, есть и в Бухаре. Они называют себя *ирани*⁹, с таджиками не смешиваются; отличаются от них религией (ирани—шииты) и несколько языком, но одеваются и живут, как таджики.

Отдельно от ирани должны быть упомянуты *персы*, составляющие довольно значительный процент городского населения Закаспийской обл. Они шииты, и по особенностям быта выделяются от прочего населения.

В Мервском уезде отмечают поселившиеся там сравнительно в недавнее время иранские племена: *белуджи*, *берберы*, *джемшиды* и *хазара*¹⁰. Перепись 1920 г. насчитывает их в количествах: 936, 219, 1.608 и 455 человек. По сведениям пере-

писи, они говорят по персидски. В отношении белуджей и хазарейцев эти показания еще требуют проверки. Джемшиды—кочевники: по подсчету Центрального Статистического Управления Туркестанской республики (Бюл. № 20 от 15 XI 21 г.) 49^{0/0} кочевых хозяйств в Кушкинской волости падает на джемшидов. Белуджи и хазара попадают и в Бухаре: в Кулябском бекстве, по сообщению М. А. Варыгина¹¹, первых считается свыше 50 домов, вторых—220.

К иранцам же надо отнести средне-азиатских *цыган*¹², говорящих по таджикски. Они ведут бродячий образ жизни, по видимому, не имеют постоянных жилищ, одеждой не отличаются от оседлой массы населения, кроме женщин, которые не закрывают лица. Они встречаются чаще в Фергане, где их зарегистрировано свыше 1.000 человек, Самаркандской обл. (729 чел. в 1917 г., 166 чел. в 1920 г.), Гиссарском бекстве (800 чел.) и Ташкенте (около 200 чел.). Среди них различаются люли, мазанг и джуги, но более определенные сведения об этих подразделениях сообщить затруднительно.

Средне-азиатских евреев, как говорящих наречием персидского языка, хотя и сохранивших, наряду с религией, свой шрифт—удобнее всего отнести к иранской группе, выдерживая единство лингвистического принципа классификации. Они живут преимущественно в городах и торговых селениях: в Самаркандской обл. их около 13 тыс., около 2 тыс. в Фергане и несколько тысяч в Бухаре, в Закаспии менее 1.000. Внешне они мало отличаются от оседлых туземцев, хотя евреи не носят чалмы, и женщины их не закрывают лица. Наряду с евреями можно отметить еще незначительную группу потомков евреев, принявших ислам, и известных в Бухаре под именем *чала*¹³.

II. Турки.

Среди народов турецкой группы резко выделяются те, которые сохраняют еще жизненность родового и кочевого быта, хотя и перешли уже большею частью к оседлости или полuosедлости. Это *кыргызы* (известные обычно под именем кара-киргизов, или горных киргизов, также *бурутов*), *казаки* (обычно называемые киргизами или киргиз-казаками) и *туркмены*.

Эти три народа не смешиваются друг с другом, несмотря на общность религии (все сунниты) и близость языка (первые два, по классификации А. Н. Самойловича относятся к двум подгруппам северо-западной или кыпчацкой группы, последний входит в состав юго-западной или туркменской группы турецких языков); напротив того, где они соприкасаются, замечается между ними некоторый антагонизм (в Закаспии у казаков с туркменами, в Семиречье между казаками и кыргызами). Между отдельными подразделениями каждого народа иногда наблюдается племенная рознь (особенно среди туркмен), но это не мешает каждому народу чувствовать свое национальное единство. Национальное самосознание очень прочно. О каждом из этих народов, особенно о казаках, существует обширная литература ¹⁴.

Названные народности составляют преимущественно внегородское население обширных территорий, занимаемых ими. О городском туркменском населении сведений не имеется. Сколько нибудь заметный элемент городского населения наряду с сартами и русскими составляют казаки в трех городах Сырдарьинской области: Туркестане, Казалинске и Перовске, где в 1911 году их считалось около 10 тыс. человек. В остальных туркестанских городах казаки и кыргызы отмечены в незначительных количествах.

Кыргызы занимают своими кочевьями и поселениями обширные горные пространства юго-восточной части западного Туркестана, прилежащие местности восточного Туркестана, горной Бухары (Каратегин), заходя частично в авганские владения. В русских пределах они составляют основное население Пишпекского (за исключением 12 сев.-зап. волостей, расположенных к западу от линии пер. Кастек—с. Михайловское) и Пржевальского уу. и вновь образованного Нарынского у. Семиреченской обл., горной части всех уездов Ферганской обл., части Ходжентского у. Самаркандской обл. (пограничной с Кокандским у.) и заходят в горные волости Джизакского и Ташкентского уездов. От казаков их отделяет Александровский хребет с севера; западная их граница с казаками проходит по линии, проведенной от г. Аулиеата к перевалу Манас (возле стыка Аулиеатинского, Ташкентского и Наманганского уездов). О численности кыргызов вне советских границ новых сведений не имеется ¹⁵; в этих пре-

делах их количество определялось в 1917 году следующими цифрами: ¹⁶.

в Пишпекском уезде	161.113
„ Пржевальском	14.546
„ Нарынском	41.956
„ Аулиеатинском	65.591
„ Ташкентском	1.762
„ Маргеланском	49.559 (54.312)
„ Наманганском	49.465 (54.586)
„ Кокандском	16.017 (16.258)
„ Андижанском	102.433 (107.625)
„ Ошском	107.353 (126.689)
„ Ходжентском	19.815
„ Джизакском	2.997
„ Памирском районе	2.277 (2.693)

Из всех турецких народов казаки занимают наиболее обширное пространство, выходя далеко за пределы Туркестанского края. В рассматриваемой области им принадлежат сплошные степные пространства северной части Туркестанского края: северные уезды Семиреченской области, вся Сырдарьинская обл., смежные части Ходжентского и Джизакского уу. и Хивинского оазиса, Мангышлакский у. и прилежащая часть Красноводского; частью заходят они в бухарские владения.

В 1917 году казаков насчитывалось:

в Верненском уезде	160.529
„ Лепсинском	129.876
„ Копальском	167.478
„ Жаркентском	46.592
„ Ташкентском	156.879
„ Аулиеатинском	195.899
„ Чимкентском	277.598
„ Перовском	151.458
„ Казалинском	122.644
„ Амударьинском отд.	49.362
„ Джизакском уезде	29.069
„ Ходжентском	10.318
„ Мангышлакском	73.089
„ Красноводском	2.470
„ Хивинском хан	23.000

Для Бухары сведений не имеется. В остальных местах Туркестанского края число казаков незначительно. Среди обозначений казаков иногда встречается термин „чала-казак“. Этим именем и подобными ему (чала-казак-сарт, чала-казак-киргиз-казак) называют потомство от смешанных браков казаков с сартами или другими неказацкими элементами. В Аулиеатинском уезде чала-казаков показано 469; несомненно, их больше, но в других уездах они не отмечены. Впрочем, большого значения для характеристики племенного состава населения они не имеют.

Большой интерес представляет группа турецкого населения, именуемая *курама* и составляющая население бассейна р. Ангrena. Кураминцы представляют собою продукт не только кровного, но, пожалуй, еще в большей степени социального смешения частей различных казацких и узбекских родов, как между собою, так и с иными племенными элементами. Образование курамы, как особой, хотя и расплывчатой, этнической группы может быть отнесено к первой половине XVIII века. В настоящее время с этнографической точки зрения курама является переходным образованием между казаками с одной стороны и массой остального оседлого турецкого населения, с другой. В некоторых отношениях кураминцы ближе к казакам (употребление юрт, женщины ходят с открытым лицом), в иных приближаются к сартам. В. В. Радлов и другие исследователи прошлого века указывали определенные кураминские роды. Ныне во многих местах утрачено всякое представление о родовой номенклатуре; там, где еще сознается принадлежность к определенному роду (например, у юзов), это обстоятельство не является препятствием к заключению браков внутри рода, чего не делается у казаков. Сознания своей национальности у кураминцев, повидимому, не имеется. По крайней мере, среди них существует стремление избегать термина курама или допускать его в качестве вторичного определения. Поэтому около 500 чел. населения 3-х селений Бабадарханской волости Наманганского уезда, потомков выходящих из кураминского с. Теляу, ныне называют себя узбеками, турками и даже таджиками. Этим же объясняется наличие таких определений, как киргиз-курама, сарт-курама, юз, узбек-юз. При таких условиях определение области и количества кураминцев затруднительно. Однако, можно полагать,

что кроме Ташкентского уезда, где их число определялось в 1917 г. в 52.335 чел., в 1920 г. — в 49.697 чел., они населяют также часть Уральской вол. Ходжентского у. в количестве около 9.330 чел.

Термин курама употребителен не только в указанном районе. По крайней мере, имеется указание, что этим именем называется также нетуркменское население (или по крайней мере его часть) побережья Аму-дарьи между гг. Керки и Бурдалыком, причисляющее себя к роду киикчи. По словам местных жителей, кураминцы-киикчи имеются также в районе г. Карши. Других сведений об этих кураминцах не имеется, но несомненно они не имеют ничего общего с ангрениками.

Третья ярко очерченная турецкая народность Туркестанского края, это — *туркмены* ¹⁷. Несмотря на наличность традиционной вражды между отдельными племенами (из которых наиболее значительными являются иомуды, текинцы и эрсаринцы) национальное самосознание у туркмен резко выражено. Они занимают обширные пространства Закаспийской области, Хивы, Аму-дарьинского отдела, бассейн рр. Гургена и Атрека в северной Персии, и часть приамударьинских степей в пределах Бухары и Авганистана.

Их количество в пределах Туркестанского края определяется следующими цифрами:

	В 1917 г.	В 1920 г.
в Асхабадском уезде	63.971	62.083
„ Мервском	133.787	125.023
„ Тедженском	63.115	48.476
„ Красноводском	40.670	25.434
„ Мангышлакском	6.012	
„ Амударьинском отд.	11.524	5.656
„ Хивинском ханстве	184.200	

Для Бухары сведений нет, в городах туркменское население незначительно.

Туркмены, в количестве 1.885 чел., зарегистрированы также в Самаркандской обл., главным образом, в Джизакском уезде; но в социальном отношении они давно подчинились узбекам, к тому же прикаспийские туркмены, повидимому, только частично признают их родство; поэтому, кажется, правильнее их считать одним из узбекских подразделений.

Узбекская народность¹⁸, образовавшаяся на глазах истории, возникла из соединения части тех же турецких племен, которые легли в основу казаков. Этим объясняется большое количество одинаковых племенных и родовых названий у тех и других. Оседая в Маверрannahре, узбеки претерпели крупные изменения, приняв в свой состав различные в разных местах турецкие родовые группы, прибывшие в страну задолго до них, и в различной степени смешиваясь с оседлым турецким и иранским населением. Последующие перемещения отдельных родов и их частей еще более изменили и усложнили состав узбекской народности. С одной стороны, национальное единство и связь между отдельными частями узбеков получили неодинаковую прочность. Те племена, которые находились в более благоприятных для сохранения и развития своей самобытности условиях (независимо от того, входили ли они в состав узбекского союза до их оседания или нет) развились до сознания себя, как отдельного национального целого, в то время, как отдельные их части, менее многочисленные, растворились в общеузбекской массе. К образованиям 1-ой категории, повидимому, надо отнести хивинских каракалпаков, ферганских кипчаков, может быть, так называемых турок в Самаркандской обл. и Фергане. С другой стороны, подвергаясь различным на обширной территории влияниям, узбеки сильно изменились в бытовом и языковом отношениях. Чистых кочевников среди узбеков почти не имеется, но зато налицо все градации состояний полуоседлого, с сохранением родовых отношений и кочевых традиций, и оседлого, с совершенной утратой тех и других. Одновременно устанавливается налицом, по крайней мере, четырех узбекских говоров: хивинского, ташкентского, ферганского и самаркандско-бухарского. Границы, как культурные, так и лингвистические, определяются более или менее точно только для Хивы; за ее пределами они чрезвычайно расплывчаты. Но вместе с тем они достаточны для того, чтобы узбеки не могли представлять собою такой же единой и обособленной этнической группы, как казаки, кыргызы, туркмены. Оседание узбеков ускорило процесс отуречивания иранского населения, начавшийся многими веками раньше. Это—уже до узбеков турецкое по языку, иранское по происхождению—население, называвшееся и называемое и поныне узбеками и казаками именем *сартов*¹⁹, нигде не создало для себя особого

этнического определения. Там, где отуречиваемые иранцы окружены массой давно осевших и уже почти не отличающихся от них по быту узбеков,—отуречиваясь, первые принимают имя последних, конечно, этим вовсе не входя в их родовую организацию (ср. сказанное выше о жителях Ургута). Во многих местах отуреченные иранцы называют себя описательно по имени местожительства, или турками в противоположность таджикам, или, наконец, принимают, или, по крайней мере, не отвергают даваемое им соседями имя сартов, имевшее первоначально только бытовое значение. Преимущественно этническое значение этот термин получает там, где сарты живут небольшими островами среди окружающего их населения, как то часто наблюдается в Сырдарьинской области. Однако, в этом термине оседлым населением предполагается несколько оскорбительный оттенок, что вполне естественно, так как в устах кочевника или бывшего кочевника (казака, кыргыза, туркмена, узбека) слово сарт, имея бытовое значение, обозначает горожанина, оседлого жителя, торговца с его преимущественно отрицательными свойствами. Поэтому, когда с ростом национального самосознания, понадобилось особое определение для развивающейся национальности, передовые слои сартского общества предпочли отбросить неприятный для них термин и принять исторически несвойственное им имя узбеков. В действительности, если в настоящее время разница между местами полуоседлыми узбеками, сохранившими традиции родового и кочевого быта, и отуреченными иранцами, не имеющими понятия о родовом строе, с живыми еще подчас переживаниями старо-иранских обычаев, довольно существенна,—то в промежуточных степенях смешения даже внимательное наблюдение не всегда может установить это различие. Оно тем труднее поддается определению, что лингвистически так называемые сарты живут с узбеками общей жизнью: можно говорить о различных говорах Самарканда, Ташкента, Ферганы, но не существует специально „сартских“ говоров в отличие от узбекских. При подобных условиях неудивительно, что материалы по национальной статистике не могут дать удовлетворительных сведений. К тому же главный источник наших статистических сведений—с.-х. перепись 1917 года—в отношении терминологии страдает непоследовательностью: уже во время работ руководителями было разъяснено сотрудникам, что особого народа

сарт не существует и что этот термин всюду должен быть заменен словом узбек. Это распоряжение могло быть выполнено только частично, что еще больше затрудняет разграничение и анализ материалов. Поэтому осторожнее соединить цифры обеих категорий, несмотря на большую вероятность значительного преобладания в Ферганской и Сырдарьинской областях сартского—в указанном смысле—населения над узбецким.

Для внегородского населения следующие цифры определяют количество узбекского населения (со включением сартов) в 1917 г. ²⁰:

в Самаркандск. уезде . . .	182.030
„ Ходжентском	66.328
„ Джизакском	123.597
„ Каттакурганск.	124.457
„ Маргеланском	252.052 (293.079) ²¹
„ Кокандском	308.645 (320.518)
„ Наманганском	177.789 (181.626)
„ Андижанском	192.968 (237.662)
„ Ошском	70.953 (71.465)
„ Ташкентском	88.510
„ Чимкентском	40.568
„ Аулиеатинском	3.957
„ Семиреченск. обл.	6.606
„ Амударьинском отд.	405.773
„ Хивинском ханстве	397.000

Для Бухары сведений не имеется, но во всяком случае число узбеков и сартов надо считать не менее половины всего населения. Значительные количества узбеков сосредоточены в городах. Ниже перечисляются города, в которых узбеки составляют большинство населения: относительное в г. Аулиеата (45%), абсолютное—в остальных. Цифры взяты по переписи 1920 г. для Самаркандской и Сырдарьинской областей, по последним административным данным для Ферганской обл.:

в Джизаке	12.644
„ Каттакургане	10.558
„ Ташкенте	152.506
„ Чимкенте	10.901

в Туркестане	10.192
„ Аулиеата	7.251
„ Маргелане	46.998
„ Коканде	99.904
„ Андижане	68.501
„ Оше	44.022

Отдельно от узбеков называются каракалпаки, кипчаки и турки. Из них *хивинские каракалпаки* ²² представляют, повидимому, отличную от узбеков народность с некоторыми своеобразными бытовыми особенностями и развитым национальным самосознанием. Их насчитывается около 34.200 чел. в Хиве и около 93.074 чел. (по переписи 1920 г.—62.776 чел.) в Амударьинском отделе, где они занимают обширные пространства в низовьях Амударьи, совместно с казаками и узбеками, но не смешиваясь ни с теми, ни с другими. Трудно сказать, насколько обособлены каракалпаки в Ферганской и Сырдарьинской областях, где сел.-хоз. перепись 1917 г. их выделяет в следующие количества:

в Андижанском у.	7.540
„ Наманганском	1.356
„ Коканд., Маргелан. и Ташкент.	1.402

Кипчаки имели очень большое значение в истории Кокандского ханства. Этим объясняется, что они выделяются в особую группу в Ферганской области ²³. Повидимому, противопоставляя себя узбекам и сартам, они чувствуют большее тяготение к казакам и кыргызам: по крайней мере, по сообщению А. Н. Самойловича, ими, или частью их, было выражено желание о выделении их вместе с кыргызами и казаками в особую автономную единицу. Кипчаков в 1917 году считалось ²⁴:

в Андижанском у.	30.170 (29.407)
„ Наманганском	9.824 (11.475)
„ Коканд., Маргелан. и Ташкент.	2.120

Турки отмечаются в Самаркандской и Ферганской областях. Их, повидимому, можно считать остатком до-узбекских турецких племен. Относительно самаркандских турок сооб-

щается, что они лучше узбеков сохранили родовую организацию, ведут полуседлый образ жизни, с узбеками не смешиваются и отличаются от них не только бытовыми, но и некоторыми диалектическими особенностями. Сел.-хоз. перепись 1917 г. указывает их в следующих количествах:

в Маргеланском уезде	14.635
„ Ошском у.	5.428
„ Наманган. и Андижанском	1.125
„ Самаркандск.	5.168
„ Джизакск. и Ходжентском	3.120

Каракалпаки, кипчаки и турки выделялись из общей массы узбекско-сартского населения, в виду наличности у них еще крепких родовых и кочевых традиций. Отдельно отмечаются *кашгарцы* (кашгарлыки) и *таранчи* по их обособленности, вызванной историческими причинами. И те, и другие—выходцы из восточного Туркестана. Его первоначально иранское население, ныне совершенно отуреченное, представляет собою более или менее однообразную по языку и быту оседлую массу с небольшими лишь местными отличиями. Тем не менее оно не создало для себя единого национального обозначения, а называет себя лишь по месту жительства или происхождения: кашгарлык, хотанлык, яркендлык и т. д., аналогично этому определяя всех оседлых турок западного Туркестана (в виду их лишь незначительных различий), как андигани или андижанлык, по имени города, давшего наибольшее число выходцев. Подобно этому, находясь в западном Туркестане, выходцы из восточного, называют себя кашгарлык, придавая этому термину уже некоторое этническое значение. Они все оседлы, не имеют никаких родовых пережитков, от окружающего узбекско-сартского населения отличаются лишь незначительными диалектическими особенностями. Более значительные их количества находятся по материалам с.-х. переп. 1917 г. в Маргеланском (19.736 чел.) и Андижанском (15.825 чел.) уездах; в остальных уездах Ферганск. обл. их 2.139 чел. и в Семиречье—1.828 чел.

Под именем *таранчей* ²⁵ известны потомки оседлых турок восточного Туркестана, переселенных во второй половине XIX века в Кульджинский край. В 80-ых годах, по возвращении

Кульджи Китаю, таранчи не пожелали там остаться, и переселились в Верненский и Джаркентский уезды.

В 1917 г. их насчитывалось:

в г. Верном	5.062
„ Верненском у.	25.456
„ г. Джаркенте	6.736
„ Джаркентском у.	23.734

В остальных частях Семиреченской области и вне ее число таранчей незначительно. По имеющимся сведениям, они держатся среди окружающего населения компактно и обособленно, отличаясь от него некоторыми особенностями, по некоторым сведениям (нуждающимся в подтверждении), сами себя называют сартами; ныне, вместе с кашгарцами, приняли имя уйгуров.

Сохранившихся преимущественно в Самаркандской области, а также в некоторых частях Бухары, *арабов* приходится по языку отнести к турецкой группе, так как живя среди узбеков, они утратили свой язык, заменив его узбекским. (Впрочем, бухарские арабы местами употребляют таджикский язык, местами еще сохранили свой язык). Несмотря на утрату родного языка, самаркандские арабы, повидимому, сохранили национальное самосознание, некоторые племенные подразделения и кое какие бытовые особенности. Сведений о них очень мало ²⁶.

В Самаркандской области их считалось (в 1917 г.):

в Самаркандском у.	4.417
„ Каттакурганском	2.792

III.

Среди населения Семиреченской области есть две группы, не относящиеся ни к иранцам, ни к туркам: это так называемые сарт-калмыки и дунгане.

Сарт-калмыками называются монголы-мусульмане, прикочевавшие в русские пределы в 70-х годах прошлого века. В количестве 2.394 человек они составляют сарт-калмыцкое аульное общество Пржевальского уезда и кочуют вместе с кыргызами, мало отличаясь от них образом жизни ²⁷.

Дунгане происходят, вероятно, от смешения турецких и китайских элементов. Дунгане говорят по китайски и в бытовом отношении приближаются к китайцам, но исповедуют ислам. В русские пределы они переселились одновременно с таранчами и живут в Пишпекском уезде (сс. Токшан, Николаевском и Александровском), где их в 1917 г. насчитывалось 10.627 чел.; а также в г.г. Верном (2.136 чел.) и Джаркенте (3.916 чел.); всего в Семиреченской обл. дунган — 17.646 чел. Вне Семиречья они живут только в Аулиеатинском уезде в количестве 672 человек.

Таковы основные племенные группы коренного туркестанского населения. Население пришлое, по преимуществу европейское, как русские, немцы, поляки, болгары, армяне, татары и проч., оставлено вне рассмотрения. Сведения, которыми мы располагаем, относятся преимущественно к 1917 г. С тех пор многие перемены произошли и происходят в национальных взаимоотношениях. Голод 1917—1918 гг. внес большие перемены в числовые соотношения. Гражданская война, местами и поныне имеющая свое отражение в лице остатков басмачества, также многое изменила. Особенно большие перемены в составе и количестве населения должны были произойти по условиям времени в Семиреченской области. При таких обстоятельствах, разумеется, какие бы то ни было выводы о составе туркестанского населения могут быть сделаны лишь с существенными оговорками. Помимо того, так как ни одна из переписей не была произведена повсеместно, пришлось пользоваться для многих районов иными сведениями, относящимися иногда ко времени 1910—1915 гг. Наконец, самая национальная терминология не является вполне установленной, и ее расшифрование не всегда возможно. Поэтому один из интересных вопросов туркестанской этнографии — вопрос о природе и составе оседлого турецкого населения края — не может получить полного освещения.

Мало оснований надеяться, что будущие статистические материалы помогут разрешению этого вопроса. При существующем ныне стремлении передовых кругов Туркестана к объединению вполне или почти оседлого турецкого населения края под именем узбеков, вполне основательным представляется мнение турколога А. Н. Самойловича о желательности устранения термина сарт из статистической терминологии и

замены его именем узбек. В практическом отношении это может лишь ускорить формирование нарождающейся национальности, которой, несомненно, предстоит большое будущее. В деле же этнического изучения края гораздо важнее детализация изучения отдельных племенных и территориальных групп населения и возможно большее накопление точного и проверенного описательного материала, относящегося к таким группам. — И чем подробнее будут эти группы, тем легче будет проведение этнических и культурных границ, поскольку вообще жизнь позволяет их проводить.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Н. Я. Марр. Племенной состав населения Кавказа. Классификация народов Кавказа (Рабочий проспект). 1920.
2. К. П. Патканов. Список народностей Сибири. 1923.
3. Об обработке этих и др. материалов см. Отчет КИПС за 1919 г., Приложение: отчет И. И. Зарубина о поездке в Туркестан, страницы 305—306.
4. О них см. А. А. Бобринский. Горцы верховьев Пянджа. Ваханцы и ишканимцы. М. 1908. М. С. Андреев и А. А. Половцев. Материалы по этнографии иранских племен Средней Азии. Ишканим и Вахан, Спб. 1911. И. И. Зарубин. Материалы и заметки по этнографии горных таджиков. Долина Бартагана. Сборн. Музея антроп. и этногр. т. V., стр. 97 сл.
5. О терминах: гальча, таджик см. В. Бартольд. Историко-географический обзор Ирана, стр. 27, и его же: Мусульманский мир, стр. 38.
6. См. А. Семенов. Этнографические очерки Зеравшанских гор, Каратегина и Дарваза. М. 1903. Кузнецов. Дарвоз, изд. Ферган. обл. стат. ком., Новый Маргелан, 1893. А. Е. Снессарев. Восточная Бухара, Спб. 1906.
7. В Джизакском уезде перепись 1920 г. указывает (Поселенные итоги Самаркандской обл., Тшкнт, изд. Центр. Ст. Упр. Турк. республики, 1924, стр. 32) всего 585 чел. сельского населения. Эта цифра, очевидно, основана на недоразумении: ср. табл. 1-ую Поселенных итогов, стр. 9—10 (№№ 218—241).
8. Из двух рядов приводимых цифр, относящихся к 1917 г., первый основан на непосредственном подсчете волостных сводок с.-х. переписи 1917 г.; цифры, помещенные в скобках, взяты из Материалов всеросс. переписей, вып. IV, Сельск. насел. Ферганск. обл. по мат. переп. 1917 г. Тшкнт. Изд. Ц. Стат. Упр. Турк. Республ. 1924.
9. О них см. А. Д. Гребенкин. Мелкие народности Зеравшанского округа, в сборн. Русский Туркестан, в. II, стр. 110—113, М. 1872, также Поселенные итоги Самаркандской обл., стр. 49—50, Тшкнт, изд. Ц. Стат. Упр. Турк. республики, 1924.
10. Последняя работа: А. А. Семенов. Джемшиды и их страна, Изв. Турк. Отд. Р. Геогр. О., XVI, стр. 161 сл.; там же указана литература. Также статья Г. Тарновского (в Турк. Вед., 1892, № 48; 1893, №№ 7, 18, 20 и 22). О языке хазарейцев в особенности см. Ramstedt, Mogholica.

11. М. А. Варыгин. Опыт описания Кулябского бекства, Изв. ИРГО, 1916, т. LII, в. X, стр. 772 сл. Ср. также Д. Н. Логофет. На границах Средней Азии, кн. III, стр. 126.
12. Последние сведения у М. С. Андреева: Некоторые результаты этнографической экспедиции в Самаркандской обл. в 1921 году, Изв. Тур. Отд. Р. Геогр. О., XVII, стр. 126, раньше у А. Д. Гребенкина: Мелкие народности... стр. 116—117.
13. Последняя заметка о ср.-аз. евреях помещена в Новом Востоке, № 1, стр. 480, см. также Поселенные итоги Самаркандской обл., стр. 50.
14. Литература о казаках и кыргызах до 1900 г. указана в труде А. Е. Александрова: Указатель книг, журнальных и газетных статей и заметок о кыргызах. Казань, 1900.
15. Сводка статистических сведений о кыргызах и казаках произведена Н. А. Аристовым в его трудах: Опыт выяснения этнического состава киргиз-казаков Большой орды и каракиргизов (Жив. Стар., 1894, вып. III и IV) и Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности (Жив. Ст., 1896, вып. III и IV).
16. Цифры, помещенные в первом ряду, основаны на анализе и подсчете материалов с.-х. переписи 1917 г., цифры в скобках заимствованы из изд. Ц. Стат. Упр. Турк. Республики „Сельское население Ферганской обл. по материалам переписи 1917 г.“, Тшкнт. 1924. Перепись 1920 г. среди кыргызов Самаркандск. обл. не производилась; Поселенные итоги Сырдарьинской обл. объединяют казаков и кыргызов, по Семиречью сводка переписных данных не произведена.
17. Литература о туркменах — в работах А. Н. Самойловича: Из Туркменской старины. I (Записки РГО., отд. этн., XXXIV, стр. 559 сл.). II (Жив. Стар., 1909, вып. IV).
18. Последние сведения об узбеках заключаются в уже приводившемся отчете М. С. Андреева: Некоторые результаты... Из ранних описаний наиболее значительно: А. Д. Гребенкин, Узбеки, в сборн. Русский Туркестан, М. 1872, стр. 51 сл., оно, равно как и другие старые работы, в значительной степени использовано в Поселенных итогах Самаркандской обл., Тшкнт., 1924.
19. О термине сарт см. В. Бартольд. История Туркестана, стр. 47, А. Самойлович. К вопросу о сартах, Жив. Ст. 1910, в. III.
20. Вследствие происшедших в промежутке между двумя переписями изменений в границах уездов Сырдарьинской и Самаркандской областей, цифры переписи 1920 г. приводятся особо:

в Самаркандск. у.	199.854
„ Ходжентск. „	61.482
„ Джизакс. „	89.520
„ Катакурганск. „	121.146
„ Ташкентск. „	115.114
„ Чимкентск. „	123.331
„ Аулиеатинск. „	5.716
„ Голодностепск. „	12.245
„ Туркестанск. „	22.501

21. Местами значительная разница между двумя рядами цифр объясняется тем, что источник цифр, поставленных в скобки („Сельское население Ферганск. обл. по матер. переписи 1917 г.“) объединяет в общее понятие узбеков также кашгарцев и турок (о них см. ниже).
22. О хивинских каракалпаках см. А. В. Каульбарс. Низовья Амударьи, Записки РГО, общ. геогр., т. IX, Спб. 1881.
23. Вопрос об отделении кипчаков от узбеков требует еще разъяснения. Есть указания (В. В. Бартольд. Извлечение из Тарихи-Шахрухи, ЗВО т. XI, стр. 111), что кипчаки считали себя одним из узбекских племен; но в этом же источнике (там же, стр. 106) говорится о возмущении сартов, таджиков и узбеков против кипчаков.
24. Цифры основаны на анализе и подсчете мат. с.-х. пер. 1917 г., цифры в скобках заимств. из Сельск. нас. Ферг. обл. В Коканд. и Маргелан. уу. Сельск. нас. Ферг. обл. указывает кипчаков — 1.627 чел., для Ташкент. у. цифра не приведена.
25. Наиболее значительная работа о таранчах, это — Матер. по обслед. туземн. и рус. старожильч. хозяйства и землепользов. в Семиреченск. обл., собр. и разр. под руковод. П. П. Румянцева, т. V, Таранчи, Спб. 1914.
26. Последние сведения у М. С. Андреева: Некоторые результаты этногр. экспед. в Смирнд. обл. в 1921 г., Изв. Тур. Отд. Р. Г. О., XVII, стр. 126 сл.
27. По сведениям, сообщенным Б. Д. Гимером и относящимся к 1920 г. сарт-калмыков считается 553 сем. в количестве 2.469 чел.

